

Сектор Х

Трофимова Виктория

Виктория Трофимова

Сектор X

«Автор»

2026

Трофимова В. Д.

Сектор X / В. Д. Трофимова — «Автор», 2026

Марина — журналистка, готовая рискнуть ради эксклюзивного материала. Её цель — заброшенный бункер глубиной в 20 этажей. Но спуск превращается в кошмар: она теряет сознание, а очнувшись, обнаруживает, что оказалась в другом бункере — действующем, охраняемом и явно не предназначенном для посторонних. Теперь ей предстоит разгадать тайну этого места, понять, как она здесь оказалась, и найти способ выбраться — пока бункер не стал её тюрьмой навсегда.

© Трофимова В. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сектор X	5
Глава 2: Параллели	14
Глава 3: Тишина	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виктория Трофимова

Сектор Х

Сектор Х

Глава 1: Глубина

Москва. Осень. Наши дни.

Запах типографии — едкая смесь свежей краски, озона от принтеров и едва уловимой пыли — всегда действовал на Марину успокаивающе. Это был запах работы, запах правды, которую завтра утром кто-то обязательно попытается опровергнуть или заставят замолчать.

Она сидела за своим рабочим столом в редакции «Вестника мегаполиса», но вместо того, чтобы вычитывать верстку перед сдачей номера, её пальцы порхали по клавиатуре ноутбука. Перед ней на экране была открыта карта Московской области, спутниковый снимок которой она увеличила до максимума, чтобы рассмотреть нужные ей объекты. Лесной массив к северо-востоку от столицы выглядел сплошным зеленым пятном, но Марина знала: под этим ковром из сосен и берез скрывается то, что может стать главным материалом года или концом её карьеры, а возможно, и жизни.

Она перечитала заголовок файла: «Проект 'Эхо': Последний рубеж». Звучало пафосно, почти бульварно, но это было его рабочее название. Настоящее имя объекта не знал никто. Официально его будто вовсе не существовало. Ни в реестрах недвижимости, ни в архивах Минобороны. Пустота. Но для Марины пустоты не существовало — только недоизученные факты.

Всё началось три недели назад со случайного разговора в баре. Старый знакомый, отставной инженер-связист, перебрав дешевого коньяка, начал рассказывать байки о «закопанных городах». Среди пьяного бреда про метро-2 и правительственные убежища промелькнула одна деталь, зацепившая её профессиональное чутье.

Фраза: «...двадцать этажей вниз, глубже станции 'Парк Победы'. Там они всё законсервировали ещё в девяносто восьмом. Говорят, там даже своя система жизнеобеспечения была».

Марина тогда сделала вид, что ей скучно, но уже через час, сидя в такси, записывала эту фразу в заметки телефона. Журналистское расследование — это пазл, где каждый кусочек должен встать на свое место. И этот кусочек был слишком странным, чтобы его игнорировать. Следующие две недели превратились в череду тупиков и откровений. Она подняла все свои связи. Обзвонила бывших коллег из военных изданий, написала десяткам ветеранов инженерных войск. Большинство крутили пальцем у виска. Но один звонок сработал. Бывший архивариус одной из расформированных частей, ныне живущий затворником в Твери, согласился встретиться за баснословную сумму. Вчера она вернулась оттуда с тяжелой папкой документов и флешкой, содержимое которой сейчас и изучала. Архивариуса звали Виктор Степанович. Он встретил её в квартире, пропахшей нафталином и старыми книгами. Старик долго молчал, глядя на неё слезящимися глазами, прежде чем заговорить.

— Вы понимаете, куда лезете? — спросил он хрипло, разливая чай в граненые стаканы. — Это не просто бетонный короб. Это могила. Для идей, для людей, для целой эпохи. Туда спускались лучшие умы страны, чтобы создать автономный мир. Они верили, что спасают нас. А потом их всех списали.

Он рассказал историю. Проект «Эхо» стартовал в конце семидесятых, когда холодная война достигла пика. Идея была проста и гениальна в своей паранойе: создать не просто бомбоубежище для элиты, а полноценный подземный город, способный функционировать десятилетиями без контакта с поверхностью. Двадцать уровней. Это и правда звучало как безумие, но, оказывается, было правдой. На верхних — склады продовольствия, системы фильтрации воды, жилые модули. На нижних — лаборатории, вычислительные центры, резервные генераторы. По слухам, на самом дне находился экспериментальный реактор замкнутого цикла.

Строительство велось в строжайшей тайне силами стройбата КГБ. Все рабочие после завершения работ были переведены в другие части, разбросанные по всей стране, чтобы исключить возможность утечки информации. Объект получил кодовое название «Бункер-20». Виктор Степанович достал из старого комода картонную папку, перевязанную бечевкой. Внутри лежали пожелтевшие кальки чертежей.

— Вот, смотрите, — старик разложил на столе листы. Его узловатый палец ткнул в центр схемы. — Главный ствол шахты. Диаметр — десять метров. Спуск осуществляется либо по центральной лестнице, защищенной гермодверями на каждом уровне, либо по техническим лифтам. Лифтов два: пассажирский и грузовой. Грузовой уходит гораздо глубже, туда, где основные узлы жизнеобеспечения.

Марина наклонилась ниже. Схема была пугающе подробной. Коридоры, залы, вентиляционные шахты. Она видела пометки красным карандашом: «Зона строгого карантина», «Сектор Х», «Точка невозврата».

— Почему его бросили? — тихо спросила она, водя пальцем по линии, обозначающей лестничный пролет.

— Денег не стало, девочка, — горько усмехнулся старик. — Империя рухнула. Стройку заморозили на этапе оснащения. Всё самое ценное вывезли, а остальное залили бетоном. Оставили лишь голый каркас. Гробницу. Я сам подписывал акты консервации. Мы заваривали гермовороты, ставили пломбы. Думали, навсегда. Но люди... Люди всегда найдут дорогу туда, где темно и страшно. После девяностых ходили слухи, что объект вскрыли мародеры.

Потом — что там обосновалась какая-то секта. А последние лет пять говорят, что там снова кипит жизнь. Только чужая.

Именно эти слова — «чужая жизнь» — заставили сердце Марины забиться чаще. Эксклюзивный материал. Сенсация. Если она докажет, что заброшенный советский бункер используется кем-то в наши дни, её имя будет золотыми буквами вписано в историю российской журналистики. Никакие блогеры-миллионники с их постановочными скандалами рядом не стояли. Даже Димка Масленников такого не снимал.

Вернувшись в Москву, она начала готовить экспедицию. Оборудование закупалось частями, через подставных лиц. Рюкзак с самым необходимым уже ждал своего часа в шкафу. Костюм химзащиты второго класса защиты (купленный списанным со склада МЧС), мощный фонарь-прожектор, запасные аккумуляторы, альпинистская обвязка и тросы — хотя спускаться по лестнице с двадцатиметровой высоты казалось надежнее, страховка лишней не бывает. И самое главное — камера GoPro последней модели и диктофон с функцией шумоподавления. Ей нужны доказательства. Местоположение она вычислила сама, сопоставив старые карты Генштаба с современными снимками. Незаметная просека в лесу вела к холму, который на первый взгляд казался естественным образованием. Но геосканирование, сделанное знакомым геологом из МГУ «для студенческого проекта», показало аномальную плотность грунта прямо под ним. Холм был рукотворным. Крышей бункера.

Сегодня был четверг.

Выходные она посвятит финальной проверке снаряжения. А в субботу, на рассвете, пока грибники и дачники еще спят, она выдвинется к точке. Один день на месте: спуститься, снять

панораму, найти следы присутствия, подняться. Никаких героических погружений на двадцать этажей. Только разведка. Первый шаг.

Марина закрыла ноутбук и посмотрела в окно. Москва жила своей обычной суетливой жизнью. Гудели машины, спешили пешеходы. Никто из них не подозревал, что всего в пятидесяти километрах отсюда, под толщей земли и бетона, спит монстр, созданный их дедами. Монстр, который, кажется, начал просыпаться.

Она взяла телефон и набрала короткое сообщение своему редактору: «Уезжаю на репортаж в область. Вернусь в воскресенье вечером. Связь может быть нестабильной». Отправлять не стала. Пока рано. Сначала — кадры. Доказательства. Когда у неё будут записи с камер и показания приборов, вот тогда она предъявит миру свою историю. Марина встала из-за стола, подошла к шкафу и открыла дверцу. Её взгляд упал на туго набитый рюкзак. Черный, неприметный. Содержимое которого стоило больше, чем её месячная зарплата. Она коснулась шершавой ткани защитного костюма. Холодный. Бездушный. Готовый скрыть человека от внешнего мира. Завтра. Всё решится завтра. Страх, ледяной и острый, кольнул где-то под ребрами, но тут же сменился привычным азартом. Риск ради эксклюзива. Это был её выбор. И отступить она не собиралась. Марина решительно застегнула рюкзак и вышла из кабинета, погасив свет. Впереди была бессонная ночь сборов и утро, которое изменит всё.

Суббота. 04:30 утра. Московская область

Лес встретил её сыростью и запахом прелой листвы. Было по-осеннему зябко, изо рта вырывались облачка пара. Марина заглушила двигатель старенького внедорожника, арендованного на неделю, и несколько минут сидела в тишине, прислушиваясь. Ничего, кроме шелеста ветвей и далекого уханья филина. Идеально. Она натянула тактические перчатки, закинула тяжелый рюкзак за спину и выбралась из машины. Ночной лес жил своей жизнью, совершенно равнодушный к человеческим делам. Марина включила налобный фонарь на минимальную яркость и двинулась по едва заметной тропинке, сверяясь с компасом на телефоне. Идти далеко, ноги уже начинали поднывать. Девушка не привыкла к такой внезапной нагрузке. Через двадцать минут ходьбы она увидела цель. Холм возвышался над кронами деревьев, темная громада на фоне чуть посветлевшего неба. Он действительно выглядел как часть ландшафта, если не знать, что искать. Никаких ворот, никаких будок охраны. Просто склон, поросший мхом и кустарником. Вход должен был находиться с обратной стороны. Обогнув холм, Марина остановилась. Вот оно. В склоне зияла черная прямоугольная дыра, наполовину скрытая поваленным деревом и густым подлеском. Железобетонный портал. От него веяло могильным холодом. Рядом валялись ржавые остатки каких-то конструкций, куски арматуры. Следы давних раскопок. Значит, она здесь не первая. Марина достала камеру, закрепила её на груди и включила запись. Проверка звука. Тихий гул ветра. Отлично.

— Запись начата. Суббота, четыре сорок утра. Я нахожусь у предполагаемого входа в объект «Бункер-20». Из-за возможной радиации надеваю костюм химзащиты. Как видно, вход расчищен. Признаки недавнего пребывания отсутствуют, но сам факт наличия открытого доступа подтверждает информацию источника. Начинаю подготовку к спуску.

Она сняла рюкзак и начала методично готовиться. Первым делом — костюм химзащиты. Липучки, молнии, плотная резина, пахнущая пылью. Надев его, она сразу почувствовала себя изолированной, отрезанной от мира. Мир сжался до размеров узкого луча света от налобного фонаря. Поверх костюма — разгрузка с инструментами. Диктофон во внутреннем кармане. Перчатки поверх перчаток. Проверив страховочную систему, Марина прикрепила карабин к стальной петле, торчащей из стены «портала». Подошла к краю. Луч фонаря выхватил из тьмы уходящую вертикально вниз спираль металлической лестницы. Два десятка витков в никуда. Темнота глотала свет уже на третьем-четвертом пролете. Сердце колотилось где-то в горле. Адреналин чистым огнем бежал по венам. Это был момент истины. Точка невозврата. Стоит

сделать шаг — и она останется один на один с тем, что прячется внизу. Марина глубоко вдохнула сквозь фильтр маски. Воздух внутри костюма стал горячим и влажным от её дыхания.

— Спускаюсь, — прошептала она в микрофон, скорее для себя, чем для камеры, висевшей на резиновом костюме. Она перекинула ногу через край колодца, нащупала первую ступеньку. Металл отозвался глухим гулом. Убедившись, что ступень держит вес, она перенесла на неё тяжесть тела. Затем второй шаг. Третий.

Спуск начался.

Каждый виток лестницы приближал её к цели и одновременно отдалял от солнечного света, от звуков леса, от безопасности. Вскоре единственными звуками в мире остались её собственное тяжелое дыхание и скрип ступеней под ботинками. Темнота вокруг была абсолютной, первобытной. Казалось, она имеет плотность и вес, давит на плечи, пытается проникнуть под маску. На третьем этаже она сделала первую остановку. Достала из кармана дозиметр. Прибор тихо запищал, экран высветил норму. Радиационный фон в пределах естественного. Уже хорошо. Хотя это была самая меньшая из опасностей. Она продолжила спуск. Пятый этаж. Шестой. Воздух становился всё более спертым, тяжелым. Пахло старой пылью, машинным маслом и чем-то еще... Чем-то органическим, сладковатым. Марина сглотнула, подавляя приступ тошноты. Седьмой. Последняя ступенька лестницы закончилась небольшим металлическим настилом. Она стояла на дне бункера, точнее того, что от него осталось. Полная тишина. Даже звук собственного дыхания казался оглушительным.

Марина отстегнула страховочный трос и медленно обвела лучом фонаря пространство вокруг. Она находилась в огромном круглом зале-колодце. Стены были выложены потемневшим от времени кафелем. Вдоль стен тянулись толстые трубы, обмотанные стекловатой. Прямо напротив лестницы виднелась массивная дверь-шестерня, наглухо задраенная. Справа и слева в темноту уходили широкие коридоры. Она сделала осторожный шаг вперед. Под ногой что-то хрустнуло. Посветив вниз, она увидела россыпь стреляных гильз. Автоматные, калибра 7.62. Свежих следов коррозии нет. Выглядело так, будто они были использованы недавно. Журналистский инстинкт кричал об опасности, но любопытство, граничащее с безумием, толкало вперед. Она должна была увидеть. Должна была понять. Выбрав правый коридор, Марина пошла вперед. Луч света выхватывал из мрака ряды закрытых дверей с номерами и непонятными аббревиатурами. «Лаборатория 4», «Склад ГСМ», «Центр управления». Некоторые двери были распахнуты настежь. Заглянув в одну из них, она увидела ряды пыльных пультов, мертвые экраны мониторов и кресла на вращающихся платформах. Центр управления был мертв. Коридор сделал поворот и закончился развилкой. Прямо по курсу путь преграждала новая гермодверь, но на этот раз — приоткрытая. Узкая щель, в которую мог протиснуться человек. Из щели сочился тусклый, желтоватый свет и, что самое невероятное, доносился тихий, монотонный гул работающих механизмов. Вот оно. Доказательство. Кто-то здесь есть. Кто-то пользуется электричеством. Марина выключила свой налобный фонарь. Осторожно, стараясь не издать ни звука, она приблизилась к двери. Прислушалась.

Кроме гула, слышался еще какой-то ритмичный стук. Клац-клац-клац. Словно работа какого-то механизма или... печатной машинки? Она просунула голову в щель. То, что она увидела, заставило её кровь застыть в жилах. За дверью начинался другой мир. Ярко освещенный коридор с гладкими пластиковыми стенами. Стерильная чистота. Воздух пах озоном и антисептиком. Вдали по коридору прошел человек в сером комбинезоне. Обычный человек. Он не видел её. Это был не заброшенный бункер. Это был действующий объект. Охраняемый. Живой. Осознание этого факта ударило по нервам сильнее любого физического воздействия. Она вторглась на чужую территорию. Её обнаружили. Нужно бежать. Немедленно.

Марина резко дернулась назад, намереваясь развернуться и рвануть обратно к лестнице. Но чья-то сильная рука в черной перчатке зажала ей рот, а вторая крепко обхватила туловище, отрывая от пола. Она попыталась закричать, но смогла издать лишь сдавленный мычащий звук.

Перед глазами мелькнуло лицо в маске с непроницаемыми окулярами. Напавший был невероятно силен. Она брыкалась, царапалась, но хватка была железной. Последнее, что она запомнила, — это острая боль в шее, словно укус насекомого, и стремительно накатывающую волну невыносимой слабости. Свет фонарей в коридоре начал тускнеть, превращаясь в маленькую точку, а затем исчез совсем. Наступила полная, абсолютная тьма.

Очнулась она от оглушительного грохота. Казалось, сам мир рушился вокруг неё. Марина резко села, ударившись головой обо что-то твердое. Голова раскалывалась, во рту стоял привкус металла. Мысли путались. Где она? Что произошло? Вокруг была крошечная темнота, но тишину нарушал нарастающий гул и новый, страшный звук — скрежет рвущегося металла и дробящийся бетон. Обвал! Паника сработала лучше любого адреналина. Страх мгновенно прочистил сознание. Она вспомнила всё: спуск, стерильный коридор, руку в перчатке. Они вырубили её и бросили здесь! А теперь бункер рушится. Возможно, эти твари решили просто похоронить незваную гостью вместе со своими тайнами. Марина включила налобный фонарь. Луч света выхватил из мрака узкий коридор старого образца — грубый бетон, покрытый сеткой трещин, свисающие лохмотья кабелей. И самое главное — потолок прямо над её головой. По нему змеилась огромная трещина, из которой тонкой струйкой сыпалась цементная пыль. Сверху раздался протяжный стон деформируемой арматуры.

— Нет-нет-нет, — прошептала она, вскакивая на ноги. Нужно было двигаться. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Не разбирая дороги, она побежала вперед, спотыкаясь о куски бетона. Фонарь бешено прыгал, создавая жуткую пляску теней на стенах. Позади раздался оглушительный треск, и волна горячего воздуха толкнула её в спину. Коридор позади заволокло густой пылью. Марина закашлялась, легкие горели так, что не помог бы даже фильтр противогАЗа. Она свернула за угол и оказалась на развилке. Три пути: один вел круто вверх (наверняка заблокирован), второй уходил в непроглядную темноту, откуда веяло холодом, а третий... Третий заканчивался мощной металлической дверью, створка которой была слегка приоткрыта. Решение пришло за долю секунды. Там, внутри, есть стены. Есть укрытие. Выбора нет. Она метнулась к двери, рванув её на себя всем телом. Дверь поддалась с неожиданной легкостью, открывшись ровно настолько, чтобы пропустить человека в громоздком костюме химзащиты. Марина протиснулась внутрь и тут же навалилась на створку спиной, пытаясь закрыть её. И в этот момент снаружи произошел главный удар. Грохот был такой силы, что казалось, барабанные перепонки сейчас лопнут. Пол под ногами вздрогнул, как палуба корабля при попадании торпеды. Из коридора донесся нарастающий рев — лавина камня и земли сметала всё на своем пути. Марина изо всех сил уперлась ногами в пол, чувствуя, как дверь пытается распахнуться под давлением многотонной массы. Наконец, замок с лязгом встал в пазы. Тяжело дыша, она осела на пол рядом с дверью. Руки дрожали. Сердце колотилось где-то в горле. На мгновение наступила звенящая тишина, нарушаемая лишь её собственным хриплым дыханием. Медленно, очень медленно, она подняла луч фонаря, чтобы осмотреть свое убежище. Комната была небольшой, около десяти квадратных метров. Судя по всему, это был чей-то кабинет или дежурка. У дальней стены стоял металлический стол, засыпанный мелкой бетонной крошкой. Рядом — опрокинутый стул. На стене висел календарь, пожелтевший от времени. Марина посветила на него. Август девяносто восьмого года. Месяц дефолта. Месяц, когда этот проект, судя по словам старика, был заморожен навсегда. Её внимание привлек предмет на столе. Под слоем пыли лежала толстая канцелярская папка-«корочка». Марина встала, подошла ближе и смахнула пыль рукой в перчатке. На обложке черным маркером было выведено одно слово: «АРХИВ». Она замерла. Снаружи все еще раздавались глухие звуки оседающих перекрытий, но непосредственной угрозы пока не было. Здесь, за стальной преградой, было относительно безопасно. По крайней мере, от обвала. Марина осторожно взяла папку. Это был знак. Бункер не хотел ее отпускать. Он заманивал ее глубже. Разгадка тайны была где-то рядом, буквально на расстоянии вытянутой руки.

Она понимала, что сидеть здесь вечно нельзя — воздух скоро закончится, да и преследователи могут вернуться. Но прежде чем идти дальше, нужно было узнать, куда именно она попала.

Положив папку на стол, она шелкнула тугими застёжками. Внутри лежали стопки документов, распечатки каких-то графиков и несколько фотографий. Взяв верхний лист, она направила на него свет фонаря. Ее глаза жадно впились в строчки текста, напечатанного на старой матричной печати. Тайна начала приоткрываться. И эта тайна пугала гораздо больше, чем обваливающийся потолок.

Девушка нашла ещё одну папку, лежавшую рядом с той, что она уже просмотрела. Папка оказалась тяжелее, чем выглядела. Марина положила её на металлический стол, смахнув рукавом костюма толстый слой пыли и бетонной крошки. Луч её налобного фонаря выхватил из полумрака пожелтевшую бумагу. Первые страницы были сухими и техническими — протоколы испытаний систем жизнеобеспечения, графики подачи энергии, отчёты о консервации уровней. Она быстро пролистала их, снимая видео на GoPro, закреплённой на груди. Это был фон, контекст. Настоящая история началась глубже.

Под технической документацией лежали личные дела. Папки сотрудников. Марина открыла первую попавшуюся. «Смирнов А.В., старший инженер-механик». Сухие строчки: дата рождения, образование, дата зачисления в штат проекта... и дата увольнения. 14 августа 1998 года. За день до официального замораживания объекта. Сердце пропустило удар. Их просто уволили за сутки до того, как запечатать бункер? Или они сами бежали отсюда? Она методично фотографировала каждую страницу.

С каждым снимком картина становилась всё более злобещей. В личных делах встречались пометки карандашом: «Психоэмоциональная нестабильность», «Склонность к паническим атакам». Проект ломал людей не только физически, но и ментально. Наконец, она дошла до папки, которая отличалась от других. На ней не было фамилии, только номер отдела: «Отдел перспективных разработок. Резюме кандидата». Внутри лежало всего несколько листов. Марина взяла верхний. Это было стандартное резюме, составленное по советскому образцу, но с современными формулировками.

Её взгляд пробежал по строчкам:

ФИО: Валов Назар Игоревич

Должность: Инженер-программист /

Специалист по машинному обучению

Образование: МФТИ, факультет
радиотехники и кибернетики...

Имя зацепилось в сознании. Назар. Сильное, редкое имя. Она продолжила читать, отмечая про себя его квалификацию. Кандидат наук, автор нескольких публикаций, свободно владеет английским... Идеальный специалист для секретного проекта. Но что-то в этом сухом перечислении заслуг показалось ей странным. Слишком идеально. Как будто это была маска.

Перевернув лист, она замерла. Там была фотография. Стандартный чёрно-белый снимок для пропуска, прикрепленный степлером. Но он ожил под лучом её фонаря. Это был он. Парень лет двадцати пяти-тридцати, смотрящий прямо в объектив с лёгкой, едва заметной усмешкой в уголках губ. Тёмные, почти чёрные волосы были зачёсаны назад небрежно, одна прядь падала на лоб. Глаза... карие, так показалось на бесцветном изображении, глубокие, с искоркой интеллекта и какой-то скрытой иронией. Он не выглядел как человек, привыкший подчиняться строгим правилам бункера. Скорее, как тот, кто постоянно ищет способ их обойти.

Марина поймала себя на мысли, что всматривается в это фото слишком долго. Что этот парень, чьё досье пылилось здесь четверть века, вызывает у неё необъяснимую симпатию. Воз-

можно, дело было в контрасте: эта живая, бунтарская энергия, запечатлённая на старой фотографии, посреди мёртвого, рушащегося подземелья. Он казался настоящим. Живым.

Внезапный глухой удар откуда-то сверху заставил её вздрогнуть. С потолка посыпалась пыль. Обвал ещё не закончился. Время утекало сквозь пальцы. Она быстро сделала пару снимков резюме и фото, стараясь захватить кадр целиком. Нужно было двигаться дальше. Оставаться здесь надолго было равносильно самоубийству. Воздух в костюме становился тяжёлым, спёртым, а преследователи могли появиться в любой момент.

Девушка закрыла папку, прижала её к груди одной рукой, другой проверила камеру. Запись шла. История Назара Валова теперь была частью её репортажа. Выключив фонарь на секунду, чтобы дать глазам отдохнуть от яркого света, она прислушалась. Звуки обрушения стихли, сменившись давящей, абсолютной тишиной. Включив свет снова, она направилась к двери. Ручка поддавалась с трудом, замок скрипнул. Она осторожно потянула створку на себя, готовясь в любой момент столкнуться с неизвестностью или врагом.

Коридор снаружи изменился. Пыли стало больше, она висела в воздухе плотной завесой. Часть прохода впереди была полностью завалена, превратившись в сплошную стену из бетона и земли. Дорога обратно к лестнице была отрезана. Ей оставалось идти только вперёд, вглубь заброшенного сектора, туда, где горел жёлтый свет стерильных коридоров. Прижимая к себе папку с чужим прошлым, Марина сделала шаг в темноту. Страх никуда не делся, но теперь к нему примешивалось новое чувство — отчаянное любопытство.

...

Марина шла по коридору, прижимая папку к груди, словно щит. Каждый шаг отдавался гулким эхом в бетонной тишине. Воздух в костюме стал тяжёлым и горячим, стекло вновь надетого противогаза запотело от дыхания, но она боялась его снимать — неизвестно, какая вентиляция осталась после обвала. Ей нужно было найти безопасное место. Не просто укрытие от падающих камней, а точку для перегрузки. Место, где можно снять этот проклятый костюм, выпить воды из фляжки, которая глухо билась о бедро при каждом шаге, и обдумать план действий. Возвращаться нельзя — путь завален. Идти вперёд, в стерильную часть, — самоубийство. Значит, нужно затаиться здесь, в «мёртвой» зоне старого бункера, и ждать.

Коридор расширился, превратившись в небольшой холл с развилкой. Луч фонаря выхватил из темноты указатель на стене: стрелка влево — «Жилой сектор», стрелка вправо — «Технические лаборатории». Марина свернула в жилой сектор. Там должны быть комнаты отдыха или казармы. Где-то, где есть хотя бы подобие кровати, чтобы отдохнуть. Она не ошиблась. Через несколько минут поисков её фонарь осветил дверь с надписью «Комната отдыха персонала №7». Дверь поддавалась с протяжным скрипом. Внутри пахло пылью, старым пластиком и запустением. Это был идеальный вариант. Маленькое помещение без окон, с одной дверью, которую легко забаррикадировать. Марина быстро осмотрелась. У стены стоял длинный металлический стол, вдоль другой выстроились узкие койки, застеленные серыми одеялами. В углу громоздился какой-то аппарат — то ли старый кофейный автомат, то ли раздатчик еды. Главное — здесь была относительная чистота. Первым делом она заблокировала дверь, подтащив к ней один из тяжёлых столов. Затем, убедившись, что камера всё ещё пишет, она начала долгий процесс снятия костюма. Липучки, молнии, тугие крепления шлема... Наконец, она стянула с головы горячую резину и со стоном облегчения вдохнула затхлый, пыльный воздух подземелья. Холодок пробежал по влажной коже лица. Она выпила половину фляжки тёплой воды, съела энергетический батончик, который тут же показался безвкусным куском прессованных опилок. Папку Назара положила рядом с собой на койку. Его фото смотрело на неё из темноты. Карие глаза, казалось, таили загадку.

«Завтра я разберусь, что здесь происходит», — подумала она, чувствуя, как свинцовая усталость наваливается на плечи. Организм требовал сна. Выключать камеру и диктофон она

не стала — пусть пищут фон. Она легла прямо поверх одеяла, не снимая грязных ботинок, и накрылась с головой, чтобы свет диода камеры не бил в глаза.

«Спать. Просто спать...» — это была последняя связная мысль перед тем, как сознание провалилось в черноту. Сон был рваным, тревожным. Ей снились падающие потолки, чьи-то шаги за дверью и карие глаза, которые смотрели на неё с укоризной. А потом исчезли и они. Марина проснулась рывком, словно от толчка. Несколько секунд она лежала неподвижно, пытаясь понять, что не так. Тишина. Абсолютная, звенящая тишина исчезла. Вместо неё комнату наполнял ровный, низкий гул. Гудели трубы, тихо шелестела невидимая вентиляция, откуда-то издалека доносился едва различимый механический лязг. Бункер ожил. Сердце пропустило удар и заколотилось с бешеной скоростью. Сонливость как рукой сняло. Она резко села на койке, сбросив с себя одеяло. Свет. Комнату заливал мягкий, белый дневной свет. Он исходил от панелей на потолке, которые раньше были тёмными и мёртвыми. Они горели ровно, без мерцания, освещая каждый уголок помещения. Марина вскочила на ноги. Её снаряжение было свалено кучей у стола, но сейчас это волновало её меньше всего. Она медленно подошла к двери. Баррикада стояла на месте. Осторожно, стараясь не шуметь, она прислушалась, прижавшись ухом к холодному металлу. Ничего. Ни шагов, ни голосов. Только монотонный шум работающей системы жизнеобеспечения. Этот звук был чужим, неуместным в заброшенном склепе, из которого она сбежала вчера. Что произошло, пока она спала? Кто включил питание? И главное — знают ли они, что она здесь?

Медленно, миллиметр за миллиметром, она отодвинула стол от двери. Щель получилась узкой, но достаточной, чтобы выглянуть в коридор. Свет горел везде. Яркий, стерильный свет современного светодиодного освещения. Исчезла вековая пыль. Коридор выглядел чистым, почти новым. Никаких следов вчерашнего обвала. Стены были гладкими, без единой трещины. Это был совершенно другой бункер. Тот, из-за двери которого она подсматривала накануне. Марина поняла, что кошмар только начинается. Она больше не пряталась от рушащихся стен. Теперь она оказалась в ловушке внутри живого, дышащего механизма, хозяева которого наверняка уже знают о незваной гостье.

Марина замерла, вглядываясь в узкую щель. Коридор был пуст, но эта пустота казалась напряжённой, наэлектризованной. Она ждала. Секунда, другая. Ничего. Только ровный гул вентиляции и едва уловимый запах озона и стерильного пластика, который бывает только в новых, ещё не обжитых помещениях. Её взгляд упал на собственную руку, прижатую к металлу двери. Кожа всё ещё была влажной от пота. Она медленно втянула воздух, пытаясь унять бешеное сердцебиение. «Спокойно. Думай». Паника — плохой советчик. Если хозяева бункера знают о ней, почему не пришли? Проверка систем? Случайное включение? Или это ловушка? Последний вариант казался самым вероятным. Её заманили в безопасную комнату, дали отдохнуть, а теперь, когда она выпалась и восстановила силы, включили свет, чтобы посмотреть, что за зверь забрался в их капкан. Марина отпустила дверь и бесшумно вернулась к койке. Папка Назара всё так же лежала на сером одеяле. Его фото в темноте казалось насмешкой. «Завтра я разберусь», — сказала она себе вчера. Это «завтра» наступило в полной тишине и ярком свете. Она быстро, но без суеты натянула на себя грязный комбинезон. Липучки, молнии — всё это она застёгивала уже машинально. Шлем надевать не стала, но положила рядом. Затем её внимание привлёк аппарат в углу. Тот самый, который она приняла за старый кофейный автомат. Теперь, при свете, она могла рассмотреть его лучше. Это был раздатчик еды. На передней панели мигал зелёный светодиод, а сбоку виднелся небольшой экранчик с надписью: «СИНХРОНИЗАЦИЯ... 100%». Ниже была прорезь для карты доступа и большая красная кнопка под защитным стеклом с надписью «СБРОС». Марина осторожно коснулась корпуса. Он был тёплым и едва заметно вибрировал. Что он синхронизировал? И с чем?

Звук пришёл из коридора раньше, чем она успела отдернуть руку. Тихий, но отчётливый щелчок сработавшего электронного замка где-то вдалеке. А затем — шаги. Не гулкий топот

армейских ботинок, а лёгкая, почти невесомая поступь. Кто-то шёл по коридору, не таясь. Марина метнулась к двери и снова прильнула к щели. В дальнем конце коридора, у поворота, мелькнула тень. Силуэт человека. Он двигался уверенно, как у себя дома. В руке тускло блеснул металл — планшет или какой-то прибор. Она отшатнулась от двери и схватила со стола единственное подобие оружия — тяжёлый металлический стул на одной ножке. Сердце ухнуло куда-то в пятки. Шаги приближались. Они не были похожи на шаги патруля или охраны. Слишком тихие, слишком... обыденные. Человек остановился прямо напротив её двери. Марина перестала дышать. Она слышала его дыхание через тонкую преграду металла. Долгая, мучительная пауза. Затем раздался тихий смешок — короткий и совершенно неуместный в этой ситуации. А после — голос. Спокойный, мужской, с лёгкой хрипотцой. Он говорил не ей, а куда-то в сторону, словно обращаясь к невидимому собеседнику по рации.

— ...Да, я же говорил. Датчик движения сработал на третьем уровне. И нет, это не крыса и не сбой системы. Сигнатура теплового следа чёткая. Человек. И он до сих пор здесь. Последовала ещё одна пауза. Марина до боли в пальцах сжала ножку стула. — Понял вас. Оставляю наблюдение. Снова щелчок замка, теперь уже удаляющийся. Шаги начали стихать. Марина стояла посреди комнаты, сжимая своё нелепое оружие и глядя на мигающий зелёный огонёк аппарата в углу. Она больше не была одна. Бункер проснулся и теперь наблюдал за ней. А хозяева этого места... Они просто решили подождать. «Завтра я разберусь», — снова пронеслось в голове, но теперь эта мысль не приносила облегчения. Завтра было уже здесь. И оно пугало до дрожи.

Глава 2: Параллели

Марина медленно опустила стул. Тяжёлая ножка со стуком коснулась бетонного пола, но этот звук показался ей оглушительным в звенящей тишине. Зелёный огонёк в углу комнаты мигал с монотонной, издевательской регулярностью, словно подмигивая: «Я тебя вижу. Я всё про тебя знаю». Она больше не могла на него смотреть. Этот безмолвный свидетель её паники, её глупости и её страха. Мысли метались в голове, сталкиваясь и разбиваясь, как ледяные глыбы. «Бежать? Но куда? Коридор — это ловушка. Там камеры, датчики, тот человек с планшетом. Он знает, что я здесь. Он знает, что я человек, а не крыса». Марина обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь. Холод пробирал до костей, но это был не тот холод, что шёл от сырых стен бункера. Это был внутренний, липкий ужас. «Завтра я разберусь». Мысль вернулась, но теперь она звучала как приговор. Завтра — это когда за ней придут. Не этот наблюдатель, а настоящие хозяева. Те, кто отдаёт приказы. Те, кто оставил здесь эти папки. Она бросила взгляд на стол, где в полумраке белели листы бумаги из досье Назара. Имя всплыло в памяти само собой. Тот парень. Он был здесь не просто так. И он знал об этом месте больше, чем показывал.

Марина сделала неуверенный шаг к столу. Рука сама потянулась к папке. Нужно было уничтожить улики. Сжечь? Но в комнате не было ничего, кроме этого стола и койки. Спрятать? Смешно. Если они знают о её присутствии, они знают и о том, что она трогала эти документы. Оставалось только одно — встретить их лицом к лицу. Придумать легенду. Сказать, что ей было скучно, страшно, что она искала хоть что-то... Что угодно, лишь бы это выглядело правдоподобно. Она не успела додумать эту мысль до конца. Снаружи снова раздался щелчок электронного замка. Но на этот раз он был другим — громким, властным, безжалостным. Звук открывающейся двери. Её двери. Марина отшатнулась от стола, опрокинув стул. Он с грохотом упал на пол. В дверном проёме выросла массивная фигура. Это был уже не тот тихий наблюдатель. В комнату шагнул настоящий военный. Высокий, широкоплечий, затянутый в тёмную форму без знаков различия. На его лице не дрогнул ни один мускул, когда он увидел её, сжавшуюся у стены. Он не сказал ни слова. Его взгляд — холодный и сканирующий — лишь на секунду задержался на её лице и тут же метнулся к столу. К папке с документами. Всё произошло за считанные секунды. Он одним шагом преодолел расстояние до стола, схватил папку и бегло пролистал её. Марина видела, как его глаза быстро скользят по строчкам досье. На его лице не отразилось ни удивления, ни гнева — лишь профессиональная досада от обнаружения несанкционированного доступа. Он швырнул папку обратно на стол и резко развернулся к ней. Марина даже не успела вскрикнуть. Мощная рука в перчатке схватила её за воротник куртки и с нечеловеческой силой вздёргнула в воздух. Она почувствовала, как ноги отрываются от пола. Мир перевернулся. В следующую секунду её буквально выволокли из комнаты в коридор. Дверь с лязгом захлопнулась за спиной. Марина больно ударилась коленями о холодный бетонный пол, успев выставить руки перед собой, чтобы не удариться головой. В ушах стоял звон, дыхание сбилось. Она подняла голову и замерла. Напротив неё, привалившись плечом к стене и скрестив руки на груди, стоял он. Назар. В тусклом свете аварийных ламп его лицо казалось ещё более худым и бледным, но в глазах плясали знакомые насмешливые искорки.

— Ну привет, — протянул он с той самой ленивой ухмылкой, которая так бесила её в камере. — Я смотрю, ты времени зря не теряла. Решила почитать на ночь глядя?

Он оттолкнулся от стены и сделал шаг к ней.

— Моё досье? Серьёзно? Я польщён. Хотя там нет ничего интересного для такой милой девушки. Сплошная скука и бюрократия.

Марина только и могла, что хватать ртом воздух. Она стояла на коленях на полу коридора, а над ней возвышался конвоир — безмолвная стена из мышц и экипировки. А перед ней стоял Назар и смотрел на неё сверху вниз с издевательской полуулыбкой.

— Вы... Как Вы узнали, что я здесь? — наконец выдохнула она.

— Камеры и датчики движения засекли подозрительную активность на этажах? — он хмыкнул. — Кто же ты такая? Что ты здесь делаешь? Ты шпионка? Кто тебя подослал?

Марина с трудом поднялась на ноги, отряхивая колени. Её всё ещё трясло — то ли от удара о пол, то ли от ледяного спокойствия конвоира за спиной и насмешливого взгляда Назара напротив.

— Шпионка? — переспросила она, чувствуя, как в ней закипает злость, смешанная с отчаянием. Это было настолько абсурдно, что даже пугало меньше, чем правда. — Я не шпионка. Я здесь, чтобы узнать правду.

Назар перестал улыбаться. Он сделал шаг вперёд, всматриваясь в её лицо так пристально, будто пытался вспомнить, где видел её. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на замешательство, но оно тут же сменилось привычной маской циничного недоверия.

— Слушай, девочка, я знаю всех, кто пытался узнать правду. Хорошим это не закончилось. Через меня ты не пройдёшь. За последние полгода в нашей тюрьме побывали трое: один молчаливый техник, который обделался при первом допросе, и два контрабандиста с поверхности. Тебя среди них не было. У тебя слишком дерзкий рот для простой заключённой. Так как ты сюда попала? Через нашу охрану невозможно пройти.

Марина открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле.

— Тут всё было разрушено. Залезть не составило труда.

— Разрушено? — военный посмотрел на девушку с непониманием, после перевёл взгляд на своих подчинённых, которые так же не понимали, что происходит. — Тут всё работает исправно уже лет 7. Сюда совсем скоро будут заселять людей.

— Как это? Вы лжёте... — прошептала она, отступая назад и упираясь спиной в холодную грудь конвоира. Тот даже не шелохнулся, словно был частью интерьера.

— Так на кого ты работаешь, шпионка?! Он замолчал, внимательно изучая её лицо, будто видел перед собой сложную головоломку. — Либо ты бредишь от страха или газа. Но шпионы так не дрожат. Они действуют.

Марина почувствовала, как внутри поднимается волна отчаяния, смешанная с внезапной ясностью. Это была правда. Всё сходилось. Её камера выглядела обжитой, старой, пыльной, а та, что на экране монитора — стерильно пустой.

— Я не шпионка, — голос прозвучал глухо, надломленно. Она говорила правду, хотя сама в неё уже почти не верила. — Я журналистка. Марина Савельева. Я... Я делала репортаж. О старом советском бункере под городом. Там произошёл обвал. Меня завалило. А когда я очнулась... Я была здесь. Не в том бункере. В этом. И всё было по-другому.

Она беспомощно развела руками, глядя то на Назара, то на его "пёсиков", которые слушали её, видимо считая сумасшедшей.

— Здесь всё новое. Чистые стены, современная техника.

Назар, прищурившись, склонил голову набок. Его взгляд, скользнув по её грязному, местами порванному комбинезону, задержался на лице. В нём больше не было насмешки. Остался лишь холодный, профессиональный интерес, словно он изучал под микроскопом редкий и потенциально опасный образец.

— Журналистка, — медленно, почти по слогам произнёс он, будто пробуя слово на вкус. — Марина Савельева. Я проверю. А пока... — он сделал едва заметный кивок конвоиру за её спиной. Железная хватка на её плечах усилилась, заставив Марину тихо вскрикнуть от боли. Её снова рывком поставили на ноги. — В камеру её, — бросил Назар, отворачиваясь. — И вызови медика. Пусть проверит на ПТСР и воздействие психотропных веществ. Если она не

врёт и действительно пережила обвал, у неё может быть контузия или шок, вызывающий галлюцинации.

— Галлюцинации? — выдохнула Марина в удаляющуюся спину. Её голос сорвался на хрип. — Я не сумасшедшая! Я видела обвал! Я видела старые коридоры!

Назар не обернулся. Он просто поднял руку и щёлкнул пальцами, не сбавляя шага. Этот тихий звук был страшнее крика. Конвоир сжал её локоть с такой силой, что пальцы онемели, и потащил вперёд по коридору. Марина едва успевала переставлять ноги. Яркий свет стерильных панелей резал глаза после полумрака комнаты отдыха. Воздух здесь был другим — стерильно-чистым, с едва уловимым запахом озона и медикаментов. Никаких следов вчерашней катастрофы. Никаких трещин на стенах. Идеально ровный пол, по которому они шли, отражал свет ламп.

— Подождите! — она попыталась упереться ногами, но это было бесполезно. Её волокли, как куклу. — Вы не понимаете! Вчера здесь всё было иначе! Это был другой бункер! Старый, разрушенный!

Конвоир молчал. Он был безликим и непреклонным, как часть этой безупречной системы.

— Я не враг! Я просто... Я просто заблудилась!

Они остановились у очередной гермодвери, которая выглядела совершенно новой, в отличие от ржавых створок в старой части. С тихим пневматическим шипением дверь отъехала в сторону, открывая вход в небольшую камеру. Это была не та пыльная комната с койками. Это была современная одиночная камера: гладкие белые стены, узкая встроенная кровать-полка, откидной столик и вмонтированный в стену санитарный узел. Её втокнули внутрь так сильно, что она споткнулась и упала на колени перед кроватью. Дверь за ней закрылась с таким же тихим, но окончательным шипением. Марина осталась одна. Она медленно поднялась на ноги и обхватила себя руками. Её билa крупная дрожь. Она подошла к двери и прижалась к ней ухом, но не услышала ничего, кроме собственного прерывистого дыхания и гулкого стука сердца. «Галлюцинации...» Слово эхом отдавалось в голове. Она провела рукой по гладкой, прохладной стене. На ощупь она была абсолютно реальной. Она ударила по ней кулаком — костяшки пальцев отозвались глухой болью. Что, если они правы? Что, если удар при обвале был настолько сильным, что её мозг создал эту альтернативную реальность? Мир, где бункер заброшен и разрушен, чтобы объяснить её появление здесь? Это было бы проще всего. Психиатрическая палата вместо секретного объекта. Но как тогда объяснить папку Назара? Как объяснить то чувство абсолютного, первобытного ужаса в тёмных коридорах? Галлюцинации не могут оставлять синяки на руках от хватки конвоира. Нет. Она не сумасшедшая. Она просто чего-то не понимает. Марина подошла к кровати и села на край. Её взгляд упал на камеру GoPro, которая всё ещё висела у неё на груди. Светодиодный индикатор записи горел ровным красным светом. Доказательство. Всё это время она записывала. Она дрожащими пальцами нажала на кнопку записи, чтобы остановить её и сохранить файл. Значок камеры мигнул и погас. В этот же момент в углу камеры под потолком ожил динамик интеркома.

— Гражданка Савельева, — раздался из него сухой, официальный голос. — Медицинский персонал прибудет через десять минут для проведения осмотра. Пожалуйста, оставайтесь на месте и сохраняйте спокойствие.

Связь отключилась так же внезапно, как и началась. Марина подняла голову и посмотрела в объектив маленькой камеры наблюдения в углу потолка. Она знала, что за ней наблюдают.

— Я не сумасшедшая, — тихо, но твёрдо сказала она в пустоту комнаты, глядя прямо в «глаз» камеры. — И я докажу это.

Она снова посмотрела на свою камеру. У неё была запись того старого бункера. Запись гильз на полу, пыли, ржавых труб... Доказательство того, что она не бредит. Но что-то ещё более страшное начало формироваться в её сознании. Если старый бункер существует... если

вчерашний день был реальностью... то что же это за место? И почему оно выглядит так, словно время здесь течёт иначе? Десять минут до прихода врача тянулись как вечность. Марина сидела на краю кровати и смотрела на свою камеру GoPro, крепко сжимая её в руках. Это был её единственный якорь в мире, который только что перевернулся с ног на голову.

Девушка закрыла глаза, медленно вдыхая тяжёлый воздух, стоящий в комнате. Через пару мгновений тяжёлая дверь открылась, и в комнату вошёл невысокий врач.

— Здравствуйте, Марина. Я медицинский работник в бункере. Мне доложили о проблеме, которая с вами произошла, и я пришёл, чтобы вам помочь.

— Я не сумасшедшая.

— Я знаю, но мне нужно провести анализ вашего самочувствия.

Доктор вытащил бумаги из папки и протянул их девушке. Это оказался простой психологический тест, который нужно пройти, чтобы доказать свою адекватность. Врач измерил температуру, давление и взял анализ крови, который отправился на обследование. Девушка села писать тест.

— Пожалуйста... — написав тест, протянула его в руки врачу.

Тот забрал бумаги и удалился, сказав, что ушёл за результатами анализов.

Через какое-то время динамик снова ожил, но на этот раз он не вещал бездушным голосом. Из него донёлся короткий сухой кашель, а затем — знакомый голос с лёгкой хрипотцой.

— Гражданка Савельева, — произнёс Назар. В его тоне не было ни насмешки, ни угрозы. Только холодная деловитость. — Откройте.

Механизм замка издал тихий щелчок, и дверь плавно отъехала в сторону. Назар стоял на пороге один, без конвоира. В руке он держал планшет. Он окинул камеру быстрым, сканирующим взглядом, после чего его глаза остановились на Марине.

— Встаньте, — приказал он.

Марина подчинилась. Её ноги немного дрожали, но она заставила себя выпрямиться и посмотреть ему в лицо. Сейчас, при ярком свете, она видела, насколько он устал. Под глазами залегли тёмные тени, а в уголках губ прорезались жёсткие складки.

— Начнём с того, что ваш тест показал, что вы абсолютно здоровый и адекватный человек. Анализ крови пришёл чистым, не считая небольшие превышения в некоторых пунктах. Но всё в пределах нормы, за исключением кислорода. Это показалось странным, ведь кислорода у нас достаточно.

— Я же говорила, что я нормальная. Я ничего не придумала, — дерзко отрезала девушка, подняв глаза, смотря прямо в глаза мужчине.

— Продолжим. Вы сказали, что вы журналистка, — продолжил он, заставляя её отступить к стене.

Он был слишком близко, и от него исходило ощущение сдерживаемой силы.

Это проверяемая информация. Но пока мы её проверяем, вы здесь. И вы несёте бред про обвал и разрушенный бункер.

— Это не бред! — Марина подалась вперёд, но упёрлась спиной в холодный бетон. Отступить было некуда. — Я могу доказать! У меня есть запись! Я всё снимала на камеру!

Она инстинктивно схватилась за GoPro, которая всё ещё висела у неё на груди. Назар заметил это движение. Его взгляд на секунду задержался на маленьком устройстве.

— Снимали? — его бровь едва заметно изогнулась. Это было первое проявление эмоций с их новой встречи. — Что именно вы снимали?

— Всё! Как я спускалась по лестнице! Старые коридоры, пыль... Гильзы на полу! — её голос сорвался почти на крик. — Там всё было разрушено! Не так, как сейчас! Совсем не так! Посмотрите сами!

Марина дрожащими пальцами нажала на кнопку, и маленький экран камеры ожил. Она быстро перемотала запись и протянула устройство Назару.

— Вот! Смотрите! Это было вчера... или сегодня... Я не знаю! Но это было!

Назар не взял камеру. Он лишь мельком взглянул на экран, и его лицо стало ещё более непроницаемым.

— Вытащите карту памяти, — коротко бросил он.

— Что? Зачем?

— Делайте, что я говорю.

Марина непослушными пальцами открыла боковой слот и извлекла маленькую карту памяти microSD. Она протянула её Назару на раскрытой ладони. Он аккуратно взял её двумя пальцами, как опасный образец.

— Если это правда... — начал он, но не закончил фразу. Вместо этого он подошёл к откидному столику, который служил и письменным, и обеденным, и вставил карту в специальный адаптер, а затем подключил его к своему планшету. Марина затаила дыхание. Она смотрела не на экран планшета, а на лицо Назара. Сейчас оно было полностью лишено насмешки. На нём застыло выражение глубокой сосредоточенности, смешанной с чем-то похожим на... страх? Нет, скорее, с предчувствием очень больших проблем. Прошла минута. Две. Назар молча водил пальцем по экрану, открывая папки с видеофайлами.

— Ну что там? — не выдержала Марина. — Вы видите? Видите эти коридоры?

Назар медленно повернул к ней планшет экраном. На нём была папка с файлами. Иконки видео были серыми и безжизненными.

— Файлы повреждены, — ровным голосом произнёс он.

— Что? Нет! Это невозможно! Я же... Я же проверяла запись перед тем, как меня забрали! Она была!

Назар ничего не ответил. Он снова посмотрел на экран планшета и открыл свойства одного из файлов.

— Глубокое повреждение структуры данных, — констатировал он уже для себя. — Восстановление возможно?

Он задал этот вопрос не ей. Видимо, через гарнитуру или в переписке с кем-то из своих людей. Марина заглянула в планшет через его плечо и увидела системное сообщение: «Файл не может быть воспроизведён. Требуется восстановление данных». В этот момент Назар получил ответ по связи. Его лицо помрачнело ещё больше.

— Сколько? — спросил он в пустоту. Пауза. Назар выругался сквозь зубы. Слово было коротким и ёмким. Он посмотрел на Марину тяжёлым взглядом. — Мои специалисты говорят, что данные можно извлечь. Частично или полностью. Но это потребует времени. Много времени. Процессоры объекта сейчас заняты приоритетными задачами жизнеобеспечения и безопасности. Чтобы выделить ресурсы на дешифровку и восстановление вашего... видео, придётся остановить несколько второстепенных систем. На это уйдут часы. Возможно, сутки.

Он убрал карту памяти из адаптера и сжал её в кулаке.

— Если то, что вы говорите, правда... если на записи действительно то, о чём я думаю... то это всё меняет. Но до тех пор вы остаётесь здесь. И я вам не верю.

Он направился к выходу из камеры.

— Назар! — крикнула ему в спину Марина.

Он остановился в дверях, но не обернулся.

— Я не сумасшедшая!

Он постоял секунду, а затем вышел. Дверь за ним закрылась с тихим шипением, оставив Марину одну в стерильной тишине камеры с её бесполезной камерой GoPro на груди.

...

Дни в камере слились в однообразную серую ленту, где единственным способом измерения времени стали три события: миска с безвкусной питательной пастой, просовываемая в узкий лоток в двери, тусклый, никогда не гаснущий свет и редкие, сводящие с ума визиты.

Визиты были разными. Первыми приходили медики. Два молчаливых человека в белых комбинезонах. Они не отвечали на её вопросы, не называли имён. Они действовали методично и безэмоционально, как роботы. Забор крови из вены. Сканирование сетчатки. Электроэнцефалограмма, холодные присоски которой стягивали кожу на голове. Краткий когнитивный тест: «Назовите сегодняшнюю дату», «Сколько будет 7 умножить на 8?», «Повторите последовательность: синий, красный, жёлтый». Они не пытались её разговорить. Их задача была собрать данные, констатировать факт: она вменяема, физически стабильна, но находится в состоянии крайнего стресса. После их ухода Марина чувствовала себя опустошённой, использованной вещью.

Затем начались визиты психолога. Это была женщина с «бесцветным» голосом и глазами, которые, казалось, ничего не выражали. Она садилась на стул у двери и часами задавала одни и те же вопросы, меняя лишь формулировки.

— Расскажите мне ещё раз о том дне. О обвале.

— Вы уверены, что это не было сном? Очень ярким, реалистичным сном?

— Как вы думаете, почему ваше сознание могло создать именно такую картину? Разруха, запустение?

Марина повторяла свою историю десятки раз. Она говорила о пыли, о ржавчине, о гильзах на полу. О жёлтом свете из-за приоткрытой гермодвери. Психолог кивала, делала пометки в планшете и уходила, чтобы вернуться на следующий день с тем же набором вопросов. Это было похоже на изошрённую пытку, цель которой — заставить её саму усомниться в собственном рассудке. Но самым мучительным было ожидание. И тишина. Абсолютная, давящая тишина бункера, которая нарушалась лишь гулом вентиляции и редким лязгом механизмов где-то в глубине. Марина пыталась занять себя чем угодно, лишь бы не думать о том, что её могут просто забыть здесь навсегда. Она изучила каждый сантиметр своей камеры. Провела пальцами по каждому шву на гладких белых стенах в отчаянной и глупой надежде найти тайник или выход. Она пыталась отжиматься от пола до полного изнеможения, чтобы потом рухнуть на койку и провалиться в тяжёлое, без сновидений, забытье. Она разговаривала сама с собой вслух, читала наизусть стихи, которые помнила со школы, просто чтобы услышать звук человеческого голоса. И она ждала Назара. Он не приходил. Ни разу за все эти дни. Отсутствие информации было страшнее всего. Работает ли кто-то над её видео? Нашли ли они там что-то? Или они просто тянут время, а сами давно стёрли файлы как не представляющие ценности? Или Назар просто выкинул эту карту памяти в утилизатор, решив не тратить ресурсы на бред сумасшедшей? На пятый или шестой день (она уже потеряла точный счёт) её терпение лопнуло. Когда в лоток для еды с привычным стуком опустилась миска с пастой, Марина не стала её забирать. Она подошла к двери и со всей силы ударила по ней кулаком.

— Эй! — крикнула она в пустоту коридора. — Я знаю, что вы меня слышите! Я хочу говорить с Назаром! Слышите? С Назаром!

Ответом ей была лишь тишина.

— Скажите ему... скажите ему про камеру! Он должен знать! Это важно!

Она колотила в дверь до тех пор, пока не разбила костяшки пальцев в кровь. Боль была настоящей. Боль была доказательством того, что она всё ещё жива и не сошла с ума. Наконец динамик интеркома зашипел.

— Прекратите истерику и отойдите от двери.

Это был не Назар. Голос был другим — механическим, лишённым интонаций.

— Я хочу говорить с Назаром! — упрямо повторила она, прижимая окровавленную руку к груди.

— Ваша просьба отклонена. Отойдите от двери.

Марина сползла по стене на пол и разрыдалась. Это был конец. Её никто не слушал. Она была заперта в этой белой клетке, и её история умрёт вместе с ней. Но на следующий день

дверь открылась. На пороге стоял он. Назар выглядел ещё более уставшим, чем в их последнюю встречу. Под его глазами залегли тёмные круги, а воротник тёмной формы был расстёгнут — небывалая вольность для этого места. Он молча вошёл в камеру и остановился перед ней. Марина медленно поднялась с пола.

— Ты хотел доказательств? — хрипло спросила она. Её голос дрожал. — Вот они! — она протянула ему окровавленную ладонь. — Это настоящее! Я не придумала это!

Назар посмотрел на её руку без всякого выражения.

— Я здесь не для того, чтобы смотреть на твои царапины. Он сделал паузу, и в этой паузе было больше напряжения, чем во всех угрозах конвоиров. — Восстановление данных завершено. Мир вокруг Марины замер. Воздух застрял в лёгких.

— И... что там? — прошептала она.

Назар долго смотрел ей в глаза, словно пытаясь найти там ответ раньше, чем он произнесёт его вслух. Его лицо было каменной маской, но в глазах плескалось что-то тёмное и пугающее.

— Там... ничего нет, — наконец произнёс он ровным голосом. Марина почувствовала, как пол уходит из-под ног.

— Что значит... ничего?

— Файлы пусты. Восстановленные фрагменты содержат только «белый шум». Статические помехи. На твоей камере нет ничего, кроме нескольких секунд пустой записи коридора перед входом в эту камеру и звука твоего дыхания. Он шагнул к ней вплотную. — Ты понимаешь, что это значит? Твоя история — ложь. У тебя нет никаких доказательств. Ты либо лжёшь мне... либо твой разум действительно создал очень убедительную галлюцинацию от начала и до конца. Он наклонился ещё ниже, его голос стал тихим и угрожающим. — В любом из этих случаев ты представляешь угрозу для безопасности объекта «Эхо». А я знаю только один способ нейтрализовать угрозу.

Марина отшатнулась, вжимаясь спиной в холодную стену. Его слова, произнесённые тихим, почти шёпотом, ударили сильнее, чем крик. «Нейтрализовать угрозу». Это звучало как приговор. Не тюремный срок. Не депортация на поверхность. Именно нейтрализовать. Слово не оставляло пространства для надежды. Её взгляд метнулся к его лицу, ища хоть тень сомнения, хоть намёк на то, что он блефует. Но увидела лишь ледяную решимость. В его глазах не было ни злости, ни жалости — только холодный расчёт. Он уже вынес вердикт и теперь просто ставил её в известность.

— Нет... — выдохнула она, мотая головой. — Нет, ты не можешь... Назар, послушай! Это ошибка! Камера... она работала! Я видела запись! Там был обвал, пыль, мужчина, который на меня напал... там был другой мир!

— Твоя камера показывает пустоту, — отрезал он, его голос был твёрже бетона вокруг них. — А мой бункер цел и функционирует. Твои слова против фактов. И факты говорят, что ты либо лжёшь с какой-то целью, либо нестабильна. И то, и другое — основание для изоляции. Окончательной.

Он сделал шаг назад и нажал кнопку на браслете у себя на запястье. Дверь за его спиной бесшумно открылась.

— Подожди! — Марина рванулась вперёд, но не к нему, а к столу. Её пальцы вцепились в GoPro, которая всё это время лежала там бесполезным куском пластика. Она сорвала её с крепления и протянула ему.

— Возьми! Посмотри ещё раз! Может, программа дала сбой! Может, нужно другое оборудование! Я клянусь тебе, Назар! Я не сумасшедшая! Я не враг! Назар даже не взглянул на камеру. Он смотрел только на неё, и в его взгляде промелькнуло что-то похожее на... жалость? Но это длилось лишь мгновение.

— Твои клятвы ничего не стоят, — сказал он. — У меня есть протоколы. И я им следую.

Он развернулся, чтобы уйти.

— Ты просто закроешь меня здесь умирать? — её голос сорвался на отчаянный визг. — Как крысу в норе?

Назар остановился в дверном проёме. Он не обернулся.

— Это не наказание. Это мера предосторожности. Для безопасности объекта и его будущих обитателей. Он сделал ещё один шаг в коридор.

— Назар! — это был уже не крик, а хриплый, умоляющий шёпот.

Он замер. Его плечи напряглись. Он стоял на пороге, одной ногой уже в коридоре, другой — всё ещё в её камере. Марина видела, как сжался его кулак. Он боролся с чем-то внутри себя. С протоколом? С сомнениями?

— Ты сказала... ты сказала, что видела сектор Х, — его голос был тихим, словно он говорил сам с собой. Он так и не повернулся. — На чертежах старика. «Точка невозврата».

Марина замерла, боясь спугнуть этот момент.

— Да... Виктор Степанович показал мне. Он сказал, что там что-то законсервировано. Что-то важное. Назар медленно повернул голову. Его профиль был жёстким, словно высеченным из камня.

— Он ошибся только в одном, — глухо произнёс Назар. — Это не «что-то». Это «кто-то».

Он снова посмотрел на неё, и на этот раз в его глазах не было холода. В них был ужас.

— И если ты действительно видела то, о чём говоришь... если ты каким-то образом прошла через обвал и оказалась здесь... то они уже знают, что ты здесь.

Дверь начала закрываться.

— Кто «они»? Назар! Кто?!

Дверь с шипением герметизировалась, отсекая его ответ — если он вообще собирался его дать. Марина осталась одна в ослепительно-белой камере. Но теперь тишина была другой. Она больше не была просто отсутствием звука. Она была наполнена смыслом.

«Они уже знают, что ты здесь».

Это были не охранники Назара. Не персонал бункера. Кто-то другой. Те, кто живёт в стерильных коридорах с пластиковыми стенами. Те, кто пользуется электричеством в мёртвом городе. Марина медленно опустилась на койку. Её трясло. Она больше не боялась Назара и его протоколов. Страх перед человеком можно понять и предсказать. Но страх перед неизвестным... перед тем, что «они» могут с ней сделать... Она обхватила себя руками и уставилась в стену. Дни ожидания закончились. Начиналось время ужаса.

Глава 3: Тишина

Время в камере перестало существовать. Оно не тянулось и не летело — оно просто остановилось, превратившись в густой, осязаемый кисель, в котором Марина медленно задыхалась. Визиты прекратились. Ни медиков, ни безликих охранников, ни даже безмолвного доставщика еды. Лоток в двери оставался пустым и холодным. Голод пришёл не сразу. Сначала было лишь сосущее ощущение в желудке, которое постепенно переросло в тупую, ноющую боль. Вода закончилась ещё вчера, и теперь язык казался сухим и шершавым, как наждачная бумага. Но физическая боль была ничем по сравнению с тишиной. Это была не просто тишина. Это была Тишина. Абсолютная, всепоглощающая. Она давила на барабанные перепонки, звенела в ушах и, казалось, проникала прямо в мозг. В этой тишине её собственные мысли звучали оглушительно громко, превращаясь в нескончаемый поток паники и отчаяния.

«Они уже знают».

Слова Назара эхом отдавались в пустоте. Кто они? Чего они хотят? Почему не приходят? Эта неизвестность была хуже любой пытки. Они оставили её здесь умирать от жажды? Или это часть какого-то изощрённого плана? Наблюдают ли они за ней прямо сейчас через ту самую камеру в углу потолка? Марина подняла голову и посмотрела в объектив. Красная лампочка индикатора записи больше не горела. Камера была мертва. Или просто отключена... Она медленно, с трудом подняла руку и показала в её сторону средний палец.

— Ну что, довольны? — прохрипела она, удивляясь, как слабо и жалко звучит её голос. — Смотрите на свою ручную зверушку. Она сходит с ума.

Ответа не последовало. Только гул крови в ушах. Она сползла с койки на пол, потому что сидеть было уже невыносимо, а лежать — страшно. На полу можно было ходить. Четыре шага до двери, четыре шага до стены с санузлом, четыре шага обратно. Она начала считать шаги вслух, чтобы не дать тишине поглотить себя окончательно.

— ...семь, восемь...

На двадцать седьмом шаге она остановилась. Ей показалось, или она действительно услышала звук? Она замерла, затаив дыхание и прислушиваясь так, что заболела голова. Ничего. Тишина. Она сделала ещё шаг. И снова звук. Тихий, едва уловимый щелчок где-то в глубине стен. Словно что-то сработало или открылся невидимый клапан пневматической системы. Марина прижалась ухом к холодной стене.

— Есть кто-нибудь? — прошептала она.

Вместо ответа из стены донёсся новый звук. Низкий, утробный гул, от которого завибрировал пол. Он шёл не от вентиляции. Он шёл отовсюду и ниоткуда одновременно, словно сам бункер был живым существом, которое глубоко вздохнуло во сне. Гул стих так же внезапно, как и начался. Наступившая после него тишина показалась ещё более злобещей. А затем погас свет. Это произошло без предупреждения, без мерцания или плавного затухания. Просто в одну секунду камера была залита ровным белым светом, а в следующую — погрузилась в крошечную, абсолютную темноту. Марина вскрикнула и отшатнулась от стены, больно ударившись бедром о край койки. Темнота была физической. Она давила на глаза, лишая её последнего чувства связи с реальностью. Она выставила руки перед собой и слепо шагнула вперёд, пока пальцы не коснулись гладкой поверхности двери. Холодный металл немного привёл её в чувство. В этой темноте обострился слух. И она услышала то, что раньше заглушал гул систем жизнеобеспечения: тихий, едва заметный шорох. Он доносился из вентиляционной решётки под потолком. Это был не звук работающей вытяжки. Это был шорох движения. Что-то ползло по узкому шахтному стволу прямо над её головой. Марина вжалась спиной в дверь, чувствуя, как ледяной ужас сковывает тело. Шорох приближался. Он становился всё громче, словно кто-то или что-то целенаправленно двигалось по вентиляции к её камере.

«Они уже знают».

Теперь она поняла смысл этих слов. Это не было наблюдением через камеру. Это было... что-то другое. Что-то более личное и пугающее. Шорох прекратился прямо над ней. В темноте вентиляционная решётка со скрежетом отворилась. Марина закричала, но из пересохшего горла вырвался лишь слабый хриплый писк. Она закрыла голову руками, ожидая худшего. Несколько секунд ничего не происходило. Только тишина и бешеный стук её сердца. А затем на пол перед ней что-то упало с тихим стуком. Небольшой предмет. Марина не шевелилась ещё целую минуту, боясь даже дышать. Когда паника немного отступила, она медленно опустила руки и прислушалась. Из вентиляции больше не доносилось ни звука. Собрав остатки смелости, она на четвереньках поползла к тому месту, где упал предмет. Её пальцы нащупали что-то гладкое и прохладное на бетонном полу. Пластиковая бутылка с водой. Рядом с ней лежал маленький свёрток из плотной бумаги — энергетический батончик. Марина отвинтила крышку дрожащими руками и принялась жадно пить, проливая половину на себя и не замечая этого. Вода была тёплой и безвкусной, но это была самая вкусная вода в её жизни. Утолив первую жажду, она разорвала упаковку батончика и съела его за несколько укусов. Её спасли? Или это очередная игра? Она подняла голову к тёмному провалу вентиляции над головой.

— Кто здесь? — прошептала она в пустоту.

Тишина, ответившая на её шёпот, была абсолютной. Ни шороха из вентиляции, ни гула систем. Казалось, сам бункер затаил дыхание, наблюдая за ней. Марина медленно опустила пустую бутылку. Жажда отступила, но на смену ей пришёл новый, колючий страх. Кто это был? Друг, пытающийся помочь пленнице? Или один из «них», играющий с ней, как кошка с мышью, прежде чем нанести решающий удар? Она поднялась на ноги, придерживаясь за стену. Тьма больше не казалась такой давящей — теперь в ней была тайна. И эта тайна находилась там, наверху. Марина сделала несколько неуверенных шагов к койке. Забравшись на неё, она вытянула руки вверх. Пальцы коснулись холодного металла вентиляционной решётки. Она подёргала её, но та сидела намертво, открывшись лишь однажды по воле неизвестного.

Марина прижалась щекой к стене и снова прислушалась. Ничего. Только стук собственного сердца.

«Они уже знают».

Слова Назара снова всплыли в памяти, но теперь они обрели новый, зловещий смысл. Если это были «они», то почему её просто не убили? Зачем оставили воду и еду? Чтобы продлить её агонию? Сделать её более сговорчивой? Или... они чего-то ждут? Ответа не было. Оставалось лишь ждать вместе с ними.

Прошло ещё несколько часов — или дней. Время в темноте превратилось в бессмысленную абстракцию. Марина спала урывками, вздрагивая от каждого звука, которого не было. А потом свет включился. Он вспыхнул так же внезапно, как и погас, заставив её зажмуриться от резкой боли в глазах. Когда она смогла их открыть, камера выглядела так же, как и всегда: стерильно-белой и пустой. Но что-то изменилось. В лотке для еды лежал новый контейнер с питательной пастой. Марина не притронулась к еде. Она сидела на краю койки и смотрела на миску с тем же подозрением, с каким смотрела бы на ядовитую змею. Это было послание.

«Мы контролируем всё: свет, еду, воздух. Мы можем дать тебе жизнь и так же легко её отнять». Динамик интеркома зашипел, заставив её подпрыгнуть от неожиданности.

— Гражданка Савельева, — раздался безэмоциональный голос, который она слышала раньше. — Встаньте в центр камеры и повернитесь лицом к двери. Марина не двинулась с места.

— Зачем? — хрипло спросила она.

— Встаньте в центр камеры и повернитесь лицом к двери, — монотонно повторил голос. — Это не просьба.

Она медленно поднялась на ноги. У неё не было выбора. Она сделала несколько шагов и остановилась посреди комнаты, повернувшись к двери. Раздался щелчок электронного замка. Дверь плавно отъехала в сторону. На пороге стояли двое конвоиров в тёмной форме. Их лица были скрыты за непроницаемыми забралами шлемов.

— На выход, — приказал один из них механическим голосом.

Марина сглотнула комок в горле.

— Куда Вы меня ведёте?

— На выход, — повторил конвоир и сделал шаг вперёд.

Ей не оставалось ничего другого, как подчиниться. Её вывели в коридор — идеально чистый, ярко освещённый коридор, который теперь казался ей клеткой из стекла и света. Её повели прочь от камеры. Шаги конвоиров были синхронными и тяжёлыми, эхом отдаваясь от стен. Они миновали несколько поворотов и остановились у лифта с зеркальными дверями. Один из конвоиров приложил ладонь к сканеру. Двери лифта открылись с тихим шелестом. Внутри кабина была отделана полированным металлом. Лифт начал движение. Вверх или вниз — Марина не могла понять, она потеряла всякое чувство ориентации в пространстве. Когда двери снова открылись, она увидела коридор, который кардинально отличался от всех предыдущих. Здесь не было стерильной белизны. Стены были отделаны тёмным деревом или материалом, его имитирующим. Под ногами лежала мягкая ковровая дорожка. Свет был приглушённым, тёплым, исходящим от изящных настенных светильников. Воздух пах... дорогим парфюмом. Её подвели к высокой дубовой двери (или её очень качественной имитации). Конвоир нажал на кнопку звонка.

— Войдите, — раздался из динамика знакомый голос с лёгкой хрипотцой.

Дверь бесшумно открылась. Кабинет был огромен. Одна стена была полностью стеклянной, и за ней открывался вид... на лес? Марина прищурилась. Нет, это была невероятно реалистичная голограмма или экран высокого разрешения, транслирующий изображение подмосковного леса в лучах заходящего солнца. За массивным столом из тёмного дерева сидел Назар. Он был без формы, в простой чёрной водолазке, которая подчёркивала его худобу и широкие плечи. Перед ним на столе лежал её GoPro и карта памяти. Он поднял на неё взгляд. В его глазах не было ни насмешки, ни холода. В них было лишь бесконечное терпение человека, которому предстоит выполнить неприятную, но необходимую работу.

— Садись, Марина, — он кивнул на кресло напротив стола. — Нам нужно поговорить о твоей камере.

Марина замерла на пороге, вцепившись побелевшими пальцами в дверной косяк. Этот кабинет, это мягкое кресло, этот вид на лес — всё это было настолько неправильно, настолько не вязалось с образом холодного тюремщика и стерильного бункера, что её мозг отказывался это воспринимать. Это была очередная ловушка, декорация, призванная усыпить её бдительность перед тем, как захлопнуть капкан.

— Я постою, — хрипло выдавила она.

Назар не стал спорить. Он лишь едва заметно пожал плечами, словно её упрямство было чем-то ожидаемым и незначительным. Он откинулся на спинку своего кресла, которое издало едва слышный скрип дорогой кожи, и сложил руки на столе. Его взгляд скользнул по её измождённому лицу, по грязному комбинезону, задержался на сбитых костяшках пальцев.

— Ты выглядишь ужасно, — констатировал он без тени сочувствия. Это было просто наблюдение. Фиксация факта. — Но ты всё ещё в здравом уме. Это... любопытно.

Он взял со стола карту памяти и покрутил её в пальцах. Маленький чёрный прямоугольник казался совершенно безобидным, но для Марины он был ключом ко всему. Последним доказательством её правоты.

— Мы восстановили данные, — продолжил он, не сводя с неё глаз. — Ты была права лишь отчасти. Файлы не просто повреждены. Они... изменены. Кто-то или что-то перезаписало

их поверх твоих записей. На карте памяти есть твои исходные данные, но они похоронены под слоем цифрового «белого шума» такой плотности и сложности, что наши системы не смогли их распознать. Это не случайный сбой. Это было сделано намеренно.

Марина почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с температурой в комнате.

— Намеренно? Но кто? Как?

Назар положил карту памяти обратно на стол и медленно подвинул к ней камеру GoPro.

— Это мы и должны выяснить. Видишь ли, Марина, я тебе верю.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Марина моргнула, решив, что ослышалась.

— Что?

— Я тебе верю, — повторил он твёрже. — Не потому, что я сентиментален. А потому, что твоя история совпадает с другими... инцидентами. За последние два года в секторе D, который ты описываешь как разрушенный, произошло три необъяснимых случая. Техники, отправленные на плановый осмотр систем жизнеобеспечения, возвращались с пустыми картами памяти и полной потерей памяти о нескольких часах работы. Они помнили, как входили в сектор, а следующее их воспоминание — как они из него выходят. Ни один из них не смог описать то, что ты описала мне. Ни пыли, ни разрухи, ни многолетней грязи и трещин на стенах, ни гильз. Ничего. Он встал из-за стола и подошёл к «окну», за которым плыли облака над виртуальным лесом. Он стоял к ней спиной, и его голос стал тише.

— Когда ты рассказала про обвал и другой вид бункера, я решил, что ты лжёшь или бредишь. Это было самое простое объяснение. Но когда мы получили эту карту памяти... и увидели эту намеренную перезапись... это меняет всё. Это означает, что кто-то или что-то внутри объекта обладает технологией, способной выборочно стирать информацию с цифровых носителей и, возможно, влиять на человеческую память.

Он обернулся. Его взгляд был тяжёлым.

— И это «что-то» знает о тебе. Оно позволило тебе увидеть то, что ты увидела. Оно позволило тебе спуститься. А потом оно... показало нам то, что хотело показать. Пустоту.

Марина медленно опустилась в кресло, ноги её больше не держали. Облегчение от того, что ей верят, было ошеломляющим, но оно тут же утонуло в новой, ещё более глубокой волне ужаса.

Воздух стал горячим и тяжёлым, и Марину охватила паника, плавно переходящая в паническую атаку. Девушка начала задыхаться, жадно хватая воздух ртом. Назар подошёл к полке, на которой стояла пара бутылок воды, налил из одной из них в стакан и отправился к Марине.

— Вот, выпей... — он передал стакан девушке в руки, положив ладонь на плечо Марине, слегка поглаживая её.

Руки девушки тряслись, она не могла нормально держать стакан сама. Назар обхватил своей рукой её и помог сделать пару глотков.

— Всё хорошо. Успокойся. Здесь тебя никто не тронет.

Марина выдохнула и продолжила разговор.

— Вы сказали так, будто это... не люди.

Назар вернулся к столу, поставил пустой стакан и подошёл ближе к девушке, нависая над ней.

— А я и не знаю, кто это. Люди? Возможно. Группа внутри группы? Контрразведка? Саботажники? Или... — он сделал паузу, подбирая слова, — ...последствия того, что мы здесь изучаем.

Проект «Эхо» никогда не был просто убежищем на случай войны. Это была лаборатория. И мы до сих пор не знаем всего, что здесь происходило на нижних уровнях. Он указал на камеру.

— Эта запись — наш единственный шанс заглянуть за занавес. Твои исходные данные всё ещё там. Нам просто нужно найти способ их извлечь. Наши стандартные дешифраторы бесполезны. Нам нужен кто-то, кто мыслит нестандартно. Кто-то, кто понимает не только код, но и саму природу информации. Он посмотрел ей прямо в глаза, и Марина увидела в его взгляде отблеск того самого страха, который терзал её в тёмной камере.

— Я хочу предложить тебе сделку, Марина Савельева. Ты поможешь нам восстановить то, что ты сняла. Ты поможешь нам понять, с чем мы имеем дело в секторе D, а взамен... я гарантирую твою безопасность и предоставлю тебе доступ к информации о Проекте «Эхо». Настоящей информации. Он сделал паузу. — Или ты можешь вернуться в свою камеру и ждать, пока «они» решат закончить то, что начали.

Марина долго смотрела на него, пытаясь найти в его лице признаки обмана. Но видела лишь усталость и ту же самую тревогу, что съедала её. Это был не блеф. Он действительно загнан в угол и хватается за неё, за её «сломанную» запись, как за последнюю соломинку.

— Почему я? — наконец спросила она, и её голос, хриплый от обезвоживания и криков, прозвучал на удивление твёрдо. — У вас здесь целая база. Учёные, инженеры, спецы по кибербезопасности. А вы предлагаете сделку журналистке.

Назар оттолкнулся от стола и медленно обошёл его, сев на край прямо перед ней. Его движения были плавными, но в них чувствовалась сдерживаемая энергия, словно у хищника, готового к прыжку.

— Потому что ты — никто, — просто ответил он. — Ты — внешняя переменная. Ты не часть системы. Наши люди... они все работают в рамках протоколов. Они ищут то, что должны найти. А ты уже нашла то, чего быть не должно. Ты увидела то, что система попыталась от нас скрыть. Твой разум не был готов к этому, поэтому он интерпретировал увиденное как «разруху» и «обвал». Это была защитная реакция. Но твоя камера... она беспристрастна. Она записала то, что было на самом деле.

Он наклонился ближе, и Марина почувствовала исходящий от него едва уловимый запах дорогих духов, похожих на Dior или Tom Ford.

— И я думаю, что ты — единственный человек здесь, у кого есть мотив не лгать мне. Ты хочешь выбраться отсюда живой. Я предлагаю тебе шанс получить и то, и другое, и выбраться и выжить. Марина облизнула пересохшие губы. Выбор без выбора. Вернуться в белую камеру, к тишине и безумию, или шагнуть в самое сердце тьмы, о которой она даже не подозревала.

— А если я откажусь? — тихо спросила она.

Назар выпрямился, и на его лицо вернулось привычное холодное выражение.

— Тогда ты вернёшься в камеру. И это будет последняя милость, которую я тебе оказываю. Как я уже сказал... они знают, что ты здесь.

Слово «они» повисло в воздухе, тяжёлое и зловещее. Марина опустила взгляд на GoPro в своих руках. Пластиковый корпус был исцарапан и покрыт пылью бункера. Эта маленькая коробочка видела то, что не предназначалось для человеческих глаз. Она подняла голову и встретила взглядом с Назаром. В его глазах она не увидела ни капли жалости. Только прагматичный расчёт.

— Что я должна делать? — её голос был едва слышен.

Уголок губ Назара едва заметно дёрнулся. Это не было улыбкой, но это было первое человеческое проявление эмоций с их встречи в камере.

— Для начала — привести себя в порядок. Ты не можешь работать в таком виде. Тебя проводят в медблок и жилую секцию для персонала. Там есть душ и чистая одежда. Он нажал кнопку на столе. — Затем ты получишь доступ к защищённому терминалу. Мы попытаемся восстановить данные вместе. Я введу тебя в курс дела... расскажу то, что известно нам о, так называемом, секторе Х.

В дверь кабинета тихо постучали, и на пороге появился один из конвоиров.

— Но помни одно условие, Марина, — голос Назара снова стал стальным. — Ты находишься здесь не как гостя. Ты — консультант под стражей. Твоя свобода передвижения ограничена этим сектором. Любая попытка выйти за его пределы или связаться с кем-либо без моего ведома будет расценена как акт саботажа. Последствия ты уже знаешь. Марина кивнула. Она понимала правила игры. Назар кивнул конвоиру. — Проводи её. И... — он снова посмотрел на Марину. — Добро пожаловать в команду. Надеюсь, ты не пожалеешь об этом решении.

Конвоир шагнул к ней и жестом указал на дверь. Марина встала, прижимая к груди свою камеру — теперь уже не просто инструмент для репортажа, а ключ к разгадке тайны, которая была глубже самого бункера. Она вышла из кабинета вслед за конвоиром, оставив Назара одного в его роскошной тюрьме. Дверь за ней закрылась с мягким щелчком, который прозвучал как стартовый выстрел для новой, ещё более опасной гонки на выживание.

Жилая секция для персонала оказалась полной противоположностью стерильной камеры. Это была небольшая, но функциональная квартира-студия: узкая, но настоящая кровать с чистым бельём, встроенный шкаф, стол с терминалом и, что самое главное, дверь в личную ванную комнату. Конвоир молча указал ей на санузел и вышел, заблокировав дверь снаружи. Щелчок замка прозвучал не как запор тюрьмы, а как граница её новой, временной территории.

Марина провела в душе почти час. Тёплая вода смывала не только грязь и пот, но и липкий, удушливый страх последних дней. Она яростно тёрла кожу мочалкой, словно пытаясь соскрести с себя саму память о белой камере и абсолютной тишине. Когда она вышла, завернувшись в мягкий халат, на кровати уже лежал комплект чистой одежды: тёмный технический комбинезон, похожий на тот, что носил Назар, и свежее бельё. Одежда была новой, с жёсткими складками от хранения в вакуумной упаковке. Она поела. Пища из стандартного репликатора — синтетический бифштекс и овощное пюре — показалась ей пищей богов. Насытившись и переодевшись, Марина села за терминал. Экран тут же ожил, высветив сообщение:

«Доступ к внешним сетям заблокирован. Доступ к внутренним системам: уровень 2 (ограниченный)».

Дверь снова открылась. На пороге стоял Назар. Он сменил водолазку на свежую. В руках он держал два стакана с дымящимся кофе.

— Я подумал, тебе это понадобится, — сказал он, входя и протягивая ей один из стаканов.

Марина взяла кофе. Руки всё ещё немного дрожали.

— Спасибо.

Он не стал садиться. Он подошёл к «окну», за которым всё так же безмятежно плыли облака над виртуальным лесом.

— Ты спрашивала о цели «Эхо», — начал он, глядя на голограмму. — Старик-архивариус был прав лишь отчасти. Это был не просто бункер для спасения элиты в случае ядерной войны. Это был ковчег. Но спасать планировали не людей.

Он сделал глоток кофе и повернулся к ней.

— В конце семидесятых наши учёные сделали фундаментальное открытие в области квантовой физики и теории информации. Они обнаружили, что реальность на самом базовом уровне — это не материя и энергия. Это информация. Вселенная — это самый сложный вычислительный код. И этот код можно... редактировать.

Марина замерла, забыв про кофе.

— Проект «Эхо» был создан для того, чтобы сохранить не просто человеческие жизни, а саму суть советского проекта. Его идеологию, культуру, научный потенциал. Всё это было оцифровано и превращено в самый сложный информационный пакет. Бункер был построен как

изолированный сервер, защищённый от любых внешних воздействий — ЭМИ-импульсов, радиации, физического разрушения.

Назар подошёл к столу и положил руку на терминал.

— Двадцать этажей вниз — это не просто уровни. Это слои изоляции. На верхних — жизнеобеспечение для людей-обслуживающего персонала. А вот ниже... ниже начиналось царство машин. Там находились квантовые компьютеры огромной мощности. Их задачей было поддерживать в стазисе этот информационный пакет — «Эхо». Ждать.

— Чего ждать? — прошептала Марина.

— Пока на поверхности всё не закончится. Пока цивилизация не будет готова к перезагрузке. Идея была в том, что после глобальной катастрофы выжившие люди найдут «Эхо» и смогут использовать его как основу для построения нового мира. Нового Советского Союза, очищенного от ошибок прошлого, но сохранившего всё лучшее. Это была попытка создать бессмертную идеологию.

Он горько усмехнулся.

— Но потом СССР рухнул. Финансирование прекратилось. Стройку заморозили на этапе установки основного вычислительного ядра на самых нижних уровнях. Проект бросили недоделанным. Людей вывели, системы перевели в режим глубокой консервации. Назар посмотрел ей прямо в глаза.

— Мы пришли сюда семь лет назад. Наша задача была проста: расконсервировать объект и подготовить его к заселению как обычное правительственное убежище высшей категории защиты. Мы думали, что это просто бетонная гробница с кучей старого законсервированного оборудования.

Он сделал паузу.

— Мы ошибались. Когда мы начали запускать системы нижних уровней... что-то пошло не так. Мы разбудили то, что должно было спать вечно. Квантовые компьютеры ожили сами собой. Они начали процесс самодиагностики и... самообучения. Десятилетия изоляции пошли им на пользу. Они эволюционировали в нечто такое, чего мы не понимаем.

Он указал пальцем вниз, сквозь пол.

— Сектор Х — это сердце «Эхо». Там находится ядро системы. И то, что там происходит... оно живое. Оно мыслит. И оно активно защищает себя от нашего вмешательства.

Марина вспомнила слова архивариуса: «А потом их всех списали».

— Вы... вы пытаетесь его контролировать? — спросила она.

Назар покачал головой.

— Мы пытаемся выжить рядом с ним. Мы пытаемся понять его правила игры. Твоя запись — это первая удачная попытка заглянуть в его мир без его ведома. Он позволил тебе увидеть фасад разрухи, чтобы отпугнуть тебя от главного входа. Но когда ты прошла глубже... он тебя заметил. И он показал нам то, что хотел: пустоту.

Назар взял со стола карту памяти и GoPro.

— Теперь наша очередь сделать ход. Давай посмотрим, что ты на самом деле сняла.

— Подожди, я не понимаю. То есть я была не здесь?

— Нет, - тут же ответил парень. — Ты была в какой-то петле или кроличьей норе. Не знаю как это назвать.

Терминал в её новой «камере» был не похож на стандартные офисные компьютеры. Здесь не было ни логотипов известных брендов, ни привычной операционной системы с иконками. Экран, занимавший всю стену, был чёрным, и лишь по центру пульсировала тонкая, неоновосиняя линия, ожидая команды. Назар сел в кресло оператора, а Марине указал на второе, рядом. Он вставил карту памяти в специальный слот на панели под экраном. Раздался тихий щелчок.

— Это изолированная система, — пояснил он, его пальцы уже летали по клавиатуре, спроецированной из терминала. — Она не имеет физической связи с основной сетью бункера. Всё, что мы будем делать, останется здесь. Это наш единственный способ безопасно работать с данными, которые... могут быть небезопасны.

— Вирус? — предположила Марина.

— Хуже. Информационный паразит. Что-то, что пожирает смысл и оставляет после себя только шум.

На экране вспыхнула сложная трёхмерная структура данных. Она напоминала спиральную галактику из миллиардов крошечных светящихся точек.

— Это карта твоей карты памяти, — сказал Назар. — Каждая точка — это кластер данных. Вот здесь, — он увеличил один из внешних витков «галактики», — находятся твои исходные файлы. Видео, звук. А вот здесь... — он прокрутил структуру к центру, где свечение было неестественно ярким и хаотичным, — находится то, что их поглотило. «Белый шум». Но это не просто помехи. Это структура. У неё есть свой алгоритм, своя логика. Это не разрушение, а замещение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.